

А. И. УТКИН

Неизвестный Черчилль.

«Я легко довольствуюсь самым лучшим»

<Фрагмент>

<...>

Муссолини и Гитлер 22 мая 1939 года подписали т. н. «стальной пакт», обещая использовать силу для обеспечения жизненного пространства своим народам. В случае вступления одной стороны в войну другая обязывалась «немедленно прийти на помощь в качестве союзника, поддерживая союзную сторону всеми вооруженными силами на суше, в море и воздухе». Как утверждал Гитлер, к первой годовщине Мюнхена у него будет более 7 млн солдат во всех родах войск. Он полагал, что это пик, возможности которого не следовало упускать приказы об уничтожении Польши уже были отданы. Ничто не могло остановить хорошо смазанную военную машину Германии. В будущем она могла предполагать лишь относительное ослабление своей мощи.

Антигитлеровская коалиция имела возможность сдерживать Гитлера, только противопоставив Германии адекватные силы и с Запада, и с Востока. В «Мировом кризисе» Черчилль писал, что в Первой мировой войне западные союзники смогли продержаться три года только потому, что огромная армия царя сковала немцев с востока. Об этом следовало помнить. Советский Союз стоял на пути нацистских завоеваний, каждый мог прочитать об атом в «Майн кампф». Черчиллю не нужно было доказывать, что он противник большевиков. Но теперь речь шла о выживании Британской империи, и он говорил в палате общин и повсюду, что нуждается в пяти миллионах Красной Армии: «Россия представляет собой колеблющийся противовес на весах мира. Трудно даже измерить поддержку, которая может поступить

из Советской России... наша задача: максимум возможного сотрудничества. Разумеется, в свете прошлого опыта трудно ждать автоматической помощи. Но ответ на возникающую ситуацию дает то, что Советская Россия в высшей степени затронута амбициями нацистской Германии. Никто не может сказать, что не существует солидной общности интересов между западными демократиями и Советской Россией... Величайшей глупостью, которую мы могли бы совершить, явилось бы отчуждение в отношении этого нашего естественного союзника». Выход для Британии — забыть тяжелое прошлое и сформировать тройственный союз с Францией и Россией.

Чемберлен, размышляя на ту же тему, заметил в частном письме от 26 марта 1939 года: «У меня нет веры в способность России осуществить эффективное наступление». Он продолжал при этом утверждать, что Россия, а не Германия представляет собой главную угрозу западной цивилизации.

В запасе британской дипломатии как бы оставалось сделанное 18 марта 1939 года предложение М. М. Литвинова¹ о отзыве в Бухаресте конференции шести держав — СССР, Румынии, Польши, Британии, Франции и Турции для создания «мирного фронта» против германской экспансии. Примечательно, что в Париже не осталось никаких письменных свидетельств реакции французского правительства на предложение, которое, собственно, могло бы спасти Францию. В мемуарах министра иностранных дел Галифакс², по крайней мере, засвидетельствовали факт прочтения ими этого предложения. Чемберлен отверг его на том основании, что оно «преждевременно». Министр иностранных дел Галифакс назвал его «неприемлемым». 23 марта Чемберлен в палате общин выступал в принципе против создания «противостоящих друг другу блоков» в Европе.

Черчилль привел посла СССР Майского в курительную комнату палаты общин: «Господин посол, если мы желаем добиться успеха, нам нужна помощь России. Ныне меня не волнует ваша система, но поляки и румыны любят ее еще меньше. Хотя в крайнем случае они могут позволить вам войти, они хотели бы получить гарантии, что вы в конечном счете выйдете с территорий этих стран. Можете ли вы дать такие гарантии?». Выступая 13 апреля в палате общин, Черчилль выдвинул все находящиеся в его распоряжении аргументы в пользу союза с СССР: «У России огромный интерес к тому, чтобы предотвратить нацистскую

экспансию в восточном направлении. Именно на этот глубокий, естественный, законный интерес мы должны полагаться», необходимо «добиться полного возможного сотрудничества с Россией, сделать так, чтобы никаким предрассудкам со стороны Англии и Франции не было позволено мешать теснейшему сотрудничеству между нашими странами, что обеспечило бы нашей коалиции огромный контрбаланс русской мощи».

Через несколько дней Литвинов вручил послу Великобритании в СССР сэру Уильяму Сидсу³ официальное предложение: любое продвижение германских границ будет рассматриваться как нападение на Советский Союз и Красная Армия будет действовать соответственно. При этом СССР, Англия и Франция будут оказывать друг другу взаимную военную помощь. Польша, если пожелает, может подключиться к этому союзу. Это было разумное предложение. Гитлер со всей его мощью попадал в то самое железное кольцо, об опасности которого он так много говорил. При этом Литвинов, зная подозрительность Сталина, потребовал немедленного обсуждения военных условий союза.

Если у Британии были основания для подозрений в отношении России, то и у России (как пишет верный приверженец Черчилля Макмиллан) были свои основания для подозрений: враждебность западных держав после Первой мировой войны, интервенция, потеря Россией территорий — ничто это не было забыто. И все же при Литвинове русская политика была направлена на поиски безопасности посредством Лиги Наций⁴ и союза с Западом. Мюнхен был шоком, но все же Россия выдвинула 16 апреля 1939 года предложение о союзе с Британией и Францией. Это был последний шанс Литвинова, но это был и последний шанс Запада.

Черчилль суммировал ситуацию таким образом: «Если бы мистер Чемберлен по получении русского предложения ответил: “Да. Давайте сомкнем руки и разобьем Гитлеру нос”, или похожими по смыслу словами, парламент поддержал бы его. Сталин пришел бы к определенному мнению, и история пошла бы другим курсом».

В мемуарах Черчилль еще более определенно указал на утраченные возможности. «Теперь, глядя на эти события издали, приходишь к выводу, что Британия и Франция должны были принять русское предложение, провозгласить трехсторонний союз и поставить на повестку дня выяснение метода конкретных

действий союза в случае войны на будущее. Тройственный союз мог бы перехватить дипломатическую инициативу, и Гитлер не смог бы прибегнуть к своей излюбленной тактике действий то на одном участке, то на другом». Но, как заметил Черчилль, «премьер-министр Чемберлен и министерство иностранных дел Англии стояли словно пораженные загадкой Сфинкса».

После долгих внутренних переговоров Париж принял это предложение, а Лондон нет. Здесь его обсуждение происходило 19 апреля. Выступивший вместо Гарифакса Кадоган охарактеризовал московский план как «чрезвычайно неудобный». Он заявил, что военная мощь СССР незначительна, и заключил: «С практической точки зрения все аргументы говорят за то, чтобы не принимать русского предложения». Предложения Литвинова должно быть отвергнуто на том основании, что оно может «вызвать отчуждение наших друзей и укрепить пропаганду наших врагов, не дав при этом реального материального вклада в укрепление нашего фронта».

Чемберлен был в затруднении, зная, что завтра Черчилль укажет на него перстом. И все же старая команда — Чемберлен, Галифакс, Вильсон, Кадоган, Инскип и Саймон — выступила против союза с большевиками. Одним из главных аргументов было возможное недовольство Польши и Румынии. Военные тоже помогли: согласно их экспертизе, военная помощь, которую мог оказать Польше и Румынии Советский Союз, «не столь велика, как это принято сказать». В частной беседе Чемберлен сказал, что «скорее уйдет в отставку, чем заключит союз с Советами». Более простодушный адмирал Четфильд сказал, что обеспокоен, «как бы Россия не заключила союза с Германией. Это создаст для нас самую опасную ситуацию». Протокол в этом месте фиксирует оживленное изумление по поводу страхов адмирала.

После двух недель молчания Лондона Сталин сместил Литвинова с поста комиссара иностранных дел. Пост занял Молотов. Как пишет У. Манчестер: «Исследовать сознание психопата невозможно — кратчайшие расстояния между двумя точками становится лабиринтом, и все же Черчилль полагал, что в мышлении Сталина был метод. По-своему, следуя собственным извращенным представлениям, он все же был патриотом: как Уинстон, он видел опасность рейха и желал своей стране избежать этой опасности. Такова была его цель. Любые средства были приемлемы для него. Он начал поиски выхода из данного

положения. Без сомнения, он предпочел бы избежать привязанности к союзникам вовсе. Если из него с подозрением смотрели в европейских столицах, то и он наблюдал западными лидерами с немалой долей паранойи». Пока союз с Британией и Францией выглядел предпочтительнее. Поэтому Молотову было поручено не прекращать дискуссий с Галифаксом и Бонне. Черчилль пишет в своих мемуарах, что «советское правительство под воздействием Мюнхена было убеждено, что ни Британия, ни Франция не станут воевать до тех пор, пока немцы на них не нападут. Поэтому рассчитывать на них не приходится... Россия обязана была позаботиться о себе. Смещение Литвинова означало конец эпохи. Оно регистрировало то обстоятельство, что в Кремле потеряли веру в обеспечение безопасности совместно с западными державами и в возможность организации совместного Восточного фронта против Германии».

Гитлер следил за переменами в Кремле. Германский поверенный в делах сообщал из Москвы в Берлин: «Не далее как 2 мая Литвинов принимал английского посла и был назван в прессе среди почетных гостей на параде. Его смещение представляется результатом спонтанного решения Сталина... На последнем партийном съезде Сталин призывал к осторожности, с тем чтобы избежать втягивания Советского Союза в конфликт».

Черчилль всячески подталкивал правительство. Он писал в «Дейли телеграф»: «Мы должны полностью поддержать идею сотрудничества с Россией, все Балтийские государства — Литва, Латвия, Эстония — должны также войти в ассоциацию... Не существует никаких средств образования Восточного фронта против нацистской агрессии без активной помощи России. Русские интересы самым непосредственным образом связаны с предотвращением реализации планов Гитлера в Восточной Европе».

Контраргументы английского правительства заключались в том, что договор с Россией будет негативно воспринят Японией. Румыния выступит против него вместе с Польшей. К договору неприязненно относятся английские католики. Редакцией Испании может быть присоединение к странам «оси». Последует отчуждение Италии. Возникнут возражения у Португалии. Гитлер может предпринять «отчаянные меры». Нетрудно увидеть, что речь идет либо о predetermined (союз Италии с Германией), либо о явно второстепенном. Черчилль в палате общин 19 мая 1939 года оценил речь Чемберлена, содержащую негативную

оценку советского предложения, как «холодную и исполненную презрения». Напрасно лучшие умы — Ллойд Джордж, Черчилль, Илен — требовали немедленного соглашения с СССР.

На многих присутствующих произвела впечатление речь Ллойд Джорджа. Ситуация напоминала ему раннюю весну 1918 года. «Мы знали, что готовится гигантское наступление со стороны Германии, но никто не знал, где будет нанесен удар... Ныне существует та самая степень секретности, как и в 1918 году. И наши противники стараются запутать нас по поводу того, каковы их цели, но ясно, что они готовятся не к обороне. Они рассматривают схемы нападения против того, кого они избрали в качестве первоочередной жертвы». С точки зрения Ллойд Джорджа, продолжительная война не устраивала диктаторов, она отнимала силы. «Германский идеал заключается в скоротечной войне. В 1914 году германские планы были построены на достижении быстрых результатов, и они были бы достигнуты, если бы не Россия. С тех пор, как стало ясно, что быстрая победа достигнута не будет, игра для немцев была потеряно». Но на этот раз немцы технически более подготовлены, они создали тысячи бомбардировщиков. Предупреждая нацию, Ллойд Джордж как бы наверстывал свое бездействие в 1939 году. Еще несколько месяцев назад подобные речи высмеивались и отвергались как плод воспаленного воображения. Но теперь обстановка радикально изменилась.

Противодействуя новой волне, Чемберлен заявил, что между двумя странами — СССР и Великобританией — «существует некое подобие стены, которую трудно преодолеть». Колин Кут писал, что премьер министр «по существу, желает доминирования в Европе нацистских идей из-за фантастического негативного отношения к Советской России».

В отличие от него Черчилль смог подняться над идеологическими разногласиями. Решался вопрос выживания его страны, 19 мая он сказал, обращаясь к скамье, где сидел Чемберлен и его министры: «Когда вы пытаетесь оценить заинтересованность и лояльность русского правительства в этом вопросе, вы не должны руководствоваться сантиментами, Вы должны руководствоваться анализом вовлеченных в эту ситуацию жизненных интересов. Главные жизненные интересы России заключаются в сотрудничестве с Великобританией и Францией. Ясно, что Россия не собирается заключать соглашения, если с ней не бу-

дут обращаться как с равным партнером. Наша правительство должно понять, что никто в государствах Восточной Европы не может пойти на войну длительностью в год, если за их спиной не будет массивной и мощной поддержки дружественной России, связанной с коалицией западных держав, и я согласен с господином Ллойд Джорджем в том, что мы должны обеспечить эффективную поддержку дружественной Советской России. Без эффективного Восточного фронта не может быть прочной защиты наших интересов на Западе».

Лишь после подлинного шторма возмущений Чемберлен 23 мая 1939 года дал свое согласие на переговоры с Советскими представителями о заключении союза с СССР, Великобритании и Франции.

В то время никто за пределами узкого круга Германского руководства не знал, что Гитлер решил вторгнуться в Польшу при любых обстоятельствах. Уж в марте 1939 года высшее военное командование получило копии «плана Вайс» — войны против Польши. 23 мая, на второй день после заключения т. и. «стального пакта» с Италией, Гитлер выступил на закрытой встрече перед высшим руководством рейха со следующей оценкой ситуации: «Не совсем ясно, приведет ли германо-польский конфликт к войне с Западом, когда мы должны будем сражаться против Англии и Франции. Если же будет создан союз Франции, Англии и России против Германии, Италии и Японии, я буду вынужден нанести по Англии и Франции несколько уничтожающих ударов. Я сомневаюсь в возможности достичь мирного соглашения с Англией... Англия знает, что поражение в этой войне означает конец ее как мировой державы. Англия — это движущая сила коалиции против Германии. Англичане сами по себе — гордый, отважный, упорный в сопротивлении народ, одаренный большими организаторскими способностями. Они знают, как использовать каждую возникающую возможность. Им присуща любовь к аванюре и смелость нордической расы. Но средние германские показатели выше. Если бы в Первой мировой войне у нас было на два линейных корабля больше или если бы ютландская битва началась утром, британский флот потерпел бы поражение и Англия была бы поставлена на колени. Сейчас... если Голландия и Бельгия будут оккупированы и удержаны если Франция тоже потерпит поражение, то фундаментальные условия для успешной борьбы против Англии будут обеспечены».

Черчилль не знал содержание этой речи Гитлера, но он видел что, с точки зрения Берлина, его страна занимает центральное место в блоке сил, сдерживающих германскую экспансию. Летом 1939 года Черчилль приложил не мало усилий, чтобы скрепить союз с Францией. Он присутствовал в Париже на праздновании Дня Бастилии и был приглашен генералом Гамеленом — главным командующим французскими войсками — посетить французский фронт. Черчилль видел, как на противоположном берегу Рейна несколько германский солдат работали на земляных укреплениях. Часть Страсбурга была уже очищена от гражданский лиц. Черчилль некоторое время постоял здесь на мосту — между германским постом и французским было примерно 30 метров.

У Черчилля сложилось впечатление, что французское оборонительная линия обладает достаточной устойчивостью, но фланг уязвим. В отчете военному министру Черчилль делает предсказание, которое сбылось с изумительной точностью: «Что касается даты германского наступления, то я думаю, что Гитлер достаточно умен, чтобы подождать выпадения снегов в Альпах. Это закроет южные дороги, прикроет Муссолини. В течение первых двух недель сентября или даже ранние эти условия будут созданы. Тогда у Гитлера останется время нанести мощный удар по Польше прежде, чем в конце октября или в начале ноября грязь размочит дороги и сможет замедлить германское продвижение. И так, первые недели сентября представляются критическими».

Тем временем президент Рузвельт выступил с личным посланием Гитлеру и Муссолини, предлагая двум диктаторам пообещать миру не предпринимать новой агрессии в течение «10 или даже 25 лет». Вначале Муссолини отказался читать этот документ, а затем прочел и заметил: «Вот вам и результат детского паралича». Гитлер вообще никак не откликнулся на неожиданное заморское послание.

В начале лета 1939 года две влиятельные газеты — «Дейли телеграф» и «Дейли миррор» начали агитацию Черчилля в правительство. Но не это помощь прессы оказалась решающей. Подталькивали события. Черчилль пишет в воспоминаниях: «Чемберлен знал, что, если придет война, он должен будет послать за мной. С другой стороны, он боялся, что Гитлер будет рассматривать мое вхождение в правительство как враждебный шаг и это уничтожит все остающиеся шансы на сохранения мира. Это была объяснимая, но ложная точка зрения». Возле Вестминстера ходили

люди с плакатами, на которых было написано: «Черчилль должен вернуться». Невилль Чемберлен записал в дневнике: «Шансы Черчилля на получение высокого поста увеличиваются по мере того, как шансы начало войны, и наоборот».

Для Черчилля многое менялось буквально на глазах: то, что многие годы ставилось ему в вину, его решительное предпочтение силовых действий, вдруг становилось его решающим достоинством. Теперь уже никто не смотрел на него как на потерянного политика. Он явственно выделялся на фоне своих флегматичных коллег энергией и несокрушимым присутствием духа. Теперь в нем видели прирожденного лидера. Некоторые министры писали Чемберлену, что возвращение Черчилля в кабинет дало бы Германии и США ответ на вопрос, есть ли у Англии решимость, будет ли она сражаться.

К тому времени Черчилль уже не сомневался, что впереди война. Изучив речь Гитлера о денонсации германо-польского пакта, Черчилль написал в одной английской газете: «Ярость нацистской Германии поворачивается в направлении Польши. Цель выступления Гитлера очевидна — изолировать Польшу, оказать на нее интенсивное воздействие... Он очевидно, полагается на тех людей в Великобритании, которые привыкли восклицать: «Кто будет воевать за Чехословакию?» Он надеется на то, что сейчас начнут кричать: «Кто будет воевать за польский коридор?» Он, видимо, не осознал той перемены, которая произошла в английском общественном мнении в виду его предательского нарушения Мюнхенского соглашения»⁵.

Из Москвы запросили о присылке чрезвычайного представителя, и Антони Иден предложил свою кандидатуру. У него были веские основания претендовать на участие в этой миссии — прежде он был министром иностранных дел, он встречался со Сталиным и, кажется, нашел с ним общий язык. Но Чемберлен избрал Уильяма Стренга, о котором Черчилль сказал: «Способный чиновник, не имеющий влияния за пределами министерства иностранных дел». Черчилль считал, что Чемберлен допустил грубую ошибку, не поставив восходящую звезду британской политики Антони Идена во главе английской делегации. Второй ошибкой он считал назначение Стренга, чиновника без специальных полномочий, ничего не знающего о советской политической системе. И третье важнейшее обстоятельство — слишком долгий сбор делегации. Собственно, такую делегацию в Советский Союз

надо было послать еще до Мюнхена. Он полагал, что Советский Союз с большой готовностью выступил бы за дружественную Чехословакию, с которой у него имелись более тесные отношения, чем с Польшей.

Переговоры в Москве шли неспешно и никак не отражали экстренности причины, их породившей. Чемберлена и Галифакса устраивал их ход, они поощряли перерывы. Казалось бы, англичанам нужно было спешить хотя бы из-за полученной 7 июля 1939 года телеграммы из Рима где Муссолини сказал британскому послу: «Скажите Чемберлену, что, если Англия готова сражаться за Польшу, Италия сомкнет штыки со своим союзником Германией».

13 июля, спустя три месяца после советского предложения о переговорах, Черчилль написал в «Дейли Миррор», что не может быть извинений «необъяснимой задержке» в подписании договора между Москвой, Парижем и Лондоном. Премьер-министр же писал своей сестре: «Я настолько скептически отношусь к вопросу о ценности русской помощи, что не думаю, что наша позиция сильно ухудшится, если мы останемся без нее». Группа англичан, сидевших на переговорах в Москве, думала подобно Чемберлену и Галифаксу, что Красная Армия не такое уж большое приобретение.

Не все англичане были толь самодовольны. Гарольд Макмиллан был поражен слепотой Чемберлена и его окружения, он считал их жертвами «искаженного представления о себе». Они видели Великобританию сверх державу, а в СССР — просящую сторону. Они с трудом оценивали опыт двух последних десятилетий: англичане были интервентами в России и они лишали Россию (согласно договорам) дореволюционных территорий. В то же время отношения СССР с Германией в межвоенный период периодически были очень тесными. В конечном счете, по словам У. Манчестера, «Британия и Франция не могли гарантировать Сталину мира — а Гитлер мог. Нацистско-советский пакт о непадении означало бы мир для России, которая предпочитало остаться нейтральной, и означал бы возвращение территорий, без потери единого солдата Красной Армии, отданных Румынии и Польши, а также Балтийских государств, утраченных двадцать лет назад под давлением западных держав. Если он (Сталин) выбирал этот курс и (западные) союзники были бы разбиты, в конечном счете он мог оказаться перед Германией в одиночестве.

Но к тому времени Гитлер мог быть мертв или свергнут, Германия могла бы потерпеть поражения. Соблазн избежать попадания в водоворот, выиграть время для вооружения, был огромным».

Когда Сталин решил совершить поворот? Майский говорил Бусби, что решающим было 19 марта 1939 года, когда Лондон отверг предложение о «встречи шести» в Бухаресте. Черчилль признавал, что для него уловить этот момент невозможно, но до середины августа положение можно было спасти. Французы были более чувствительны. Посол Кулондр за долго до реальных советско-германских переговоров предупредил Ке д'Орсэ, что СССР и Германия могут найти взаимопонимания и поделить Польшу между собой. 22 мая 1939 года он сообщил о словах Риббентропа: Польша «рано или поздно должна будет исчезнуть, поделенная между Германией и Россией. По его мнению, этот раздел тесно связан со сближением между Берлином и Москвой».

Видимо, многое решило невысокое военное представительство западных союзников. С советской стороны в военных переговорах участвовал нарком обороны начальник генерального штаба, командующие военно-воздушными и военно-морскими силами. Французскую делегацию возглавлял генерал Думенк, бывший начальник штаба генерала Вейтана, Еще более одиозным образом поступили англичане. Месяц назад переговоры с поляками вел начальник генерального штаба генерал Айронсайд, а в Москву был послан адмирал Драке, о котором германский посол в Лондоне Дирксен писал, что он «практически находится в списке подготовленных к отставке и никогда не был принят в военно-морском штабе». Драке отверг предложение вылететь в Москву, он избрал странный пароход, шедший в Ленинград с черепашьей скоростью, Английские берега были оставлены 5 августа, а в Москве он был лишь 11 августа. Возможно, было упущено решающее время.

Переговоры в Москве описаны многократно. Укажем лишь на два показательных момента. «Линия Мажино»⁶, по словам Думенка, простиралась «от швейцарской границы до моря». Можно быть любого мнения о Ворошилове, но о расположении всемирно известных укреплений он знал. Драке уверял, что англичане выставят «на ранней стадии войны» до шестнадцати дивизий. А совсем недавно он признавался французам, что войск у них в четыре раза меньше (о чем в конце концов он сказал Ворошилову). В этот момент, согласно записи французского

участника переговоров, «советская делегация отчетливее, чем прежде, поняла огромную слабость Британской империи».

В Кремле в августе 1942 года Сталин в конце долгой, занявшей всю ночь беседы рассказал Черчиллю о событиях августа 1939 года. «У нас сложилось впечатление, что английское и французское правительство не готовы вступить в войну в случае нападения». Последовал известный рассказ. «Сколько дивизий, — спросил Сталин, — выставит Франция против Германии в случае мобилизации?» ответ был — «Около 100». Затем он спросил: «А сколько дивизий пошлет Англия?» — «Две». — «А знаете ли вы, сколько дивизий мы выставим на русском фронте, если выступим против Германии? Больше 300 дивизий».

В своих мемуарах Черчилль пишет о том, что Советская Россия «постоянно думала о тех несчастиях, которые преследовали русскую армию с 1914 года, когда она бросилась вперед, атакуя немцев еще до полной мобилизации своих сил. Теперь ее границы лежали далеко к востоку от довоенных рубежей. Если их политика была холоднокровной, то она была в тот момент и в высшей степени реалистической». Главный вопрос Ворошилов задал 14 августа 1939 года: позволено ли будет Красной Армии пройти через Вильно и польскую Галицию? Без четкого, прямого ответа на эти вопросы продолжать эти военные переговоры бесполезно.

Английские и французские послы явились к полковнику Беку 18 августа. В эту минуту, когда до конца восстановленного польского государства оставалось менее двух недель, польский президент заявил, что советские войска «не имеют военной ценности», а начальник польского генерального штаба согласно закивал головой. Через два дня министр иностранных дел Польши официально отверг требования англичан и французков о пропуске советских войск: «Я не больше об этом слышать».

В Лондоне ветеране английской политики Ллойд Джордж поднял свой голос против происходящего безумия. «Если мы собираемся обойтись без помощи России, мы попадем прямо в западню». В то время англо-польский пакт еще не был подписан, и Галифакс мог сделать условием его подписания согласие Бека на помощь СССР. Французы говорили об этом прямо. Но Чемберлен заявил, что не будет участвовать в подобных «маневрах». Пытаясь спасти положение в последний час, Даладье приказал Думенку сообщить Молотову, что французы одобряют «в прин-

ципе» право русских пересечь границу Польши в случае агрессии Гитлера. Было 21 августа, и было уже поздно.

18 июля немцы возобновили советско-германские торговые переговоры. Нетерпеливый Черчилль проклинал священность традиций уик-энд. Время летела слишком быстро. В начале августа переговоры захватили политическую область. 12 августа в разговоре с министром иностранных дел Италии Гитлер сказал, что получил «телеграмму из Москвы. Русские согласились с тем, чтобы в Москву был послан немецкий политический представитель». Чиано вначале подумал, что это трюк фюрера. Через день в Зальцбурге Гитлер в возбуждении говорил окружению: «Великая драма приближается к кульминации!» Париж подчиняется Лондону, а в Англии «нет лидеров крупного калибра. Люди, которых я видел в Мюнхене, не того сорта, чтобы начать новую мировую войну».

Риббентроп⁷ писал в Москву, подыгрывая паранойе Сталина, что англичане и французы «пытаются вовлечь Россию в войну с Германией». Это был бы точный повтор слов Сталина Восемнадцатом съезде партии. И немцы добились своего. Молотов⁸ предложил послу Германии Шуленбургу подписать пакт о непадении. 16 августа Риббентроп передал Шуленбургу ответ Гитлера: «Германия готова заключить пакт о ненападении с Советским Союзом». В отличие от неспешных англичан, германский представитель выразил желание прилететь на самолете, «имея все полномочия фюрера». Россия получала все потерянное по Версальскому договору.

Молотов вручил Шуленбургу проект договора о ненападении. Вечером 19 августа берлинское радио прервало музыкальную программу неожиданным для всего мира объявлением: «Правительство Рейха и советское правительство согласились заключить между собой пакт о ненападении. Рейхсминистр иностранных дел прибывает в Москву в среду, 23 августа, для совершения переговоров».

Разумеется, Советский Союз заплатит страшную цену. Но, как пишет У. Манчестер, «английское и французское правительство также сыграли жалкую роль. Если бы, скажем, Иден прибыл в Москву облеченным всеми необходимыми полномочиями — у Гитлера никогда не возникло бы шанса. Россия нуждалась в мире, каждый знал это, но (западные) демократии проявили нечувствительность».

Если ликование Гитлера можно понять, то трудно объяснить удовлетворение польского лидера — полковника Бека. Педант по своим привычкам, он в эти десять последних дней мира буквально светился лукавством. Улыбка не сходила с его лица. Своему окружению он сказал, что достигнут большой успех. Он спас Польшу от коммунистов. Французский министр иностранных дел Бонне пишет в мемуарах о возникшем чувстве, что происшедшее означало «для Франции несчастье».

В конце августа 1939 года Черчилль гостил у своих французских приятелей в старинном замке. Подписание советско-германского пакта вынудило его вернуться домой. На пути в Лондон он встретился в Париже с генералом Жоржем. Тот предоставил ему цифры, сопоставляющие мощь французской и германской армий. Результат этого экспозе произвел глубокое впечатление на Черчилля, он удовлетворенно сказал: «Вы их превосходите». Генерал ответил: «Но все же у немцев очень сильная армия, и они не позволят нам нанести удар первыми».

У Черчилля не было никаких сомнений, что Гитлер нанесет удар по Польше. Следовало воспрепятствовать быстрому падению Польши — иначе Германия будет иметь лишь один Западный фронт. Франция может выставить до шести миллионов человек, но она не может конкурировать с германской индустрией. Следовало нагнать немцев там, где они были наиболее сильны, — в научной организации производства. Концентрация сил решало все. Черчилль посетил границу на Рейне. С французской стороны висел гигантский плакат «Свобода, равенство, братство». С германской — «Один народ, один рейх, один фюрер». На горизонте передвигались танки, Черчилль вспомнил, с какой страстью он выступал в 1915 году в защиту «наземных крейсеров». Тогда французские генералы смеялись от души и говорили, что английские политические деятели еще забавнее французских.

При всей внешней решимости французов Черчилль отчетливо видел, что «дух Марны» покинул французскую армию. Страна отличалась от той, что выстояла 1914–1918 годах. Потеря 27 процентов населения от восемнадцати до двадцати семи лет нанесла ей незаживающую рану. Сильнейшая в мире (по представлениям своего времени) французская армия, имея перед собой многократно меньшие германские части, сидела за укрытиями из стали и бетона, не демонстрируя желания нанести удар. Собственно, немцы это предвидели.

По прибытии в Чартвел Черчилль попросил генерала Айронсайда⁹, только что вернувшегося из Польши, дать оценку польской армии. Айронсайд видел военные маневры поляков: мораль польских войск чрезвычайно высока и они готовы к борьбе. Айронсайд оставался в Чартвеле и наблюдал Черчилля в эти роковые дни. Тот, скрывая свое волнение, складывал из кирпичей кухню рядом с только что построенным своими руками коттеджем. Следовало думать и о личной безопасности — в стране насчитывалось по меньшей мере 20 тыс. человек, считающих себя нацистами, и Черчилль подсчитал необходимым оградить свою семью — попросил частного детектива захватить пистолет и прибыть в Чартвел. Его собственные пистолеты были уже наготове. Никто не выходил на прогулку. У Черчилля было предчувствие мессии. Как пишет он в мемуарах, если война разразится, то главная тяжесть падет на него.

Посол Гендерсон принял последнюю попытку остановить Гитлера — 23 августа 1939 года прибыл в Берхтесгаден с письмом Чемберлена. Гитлер был в одном из своих экзотических состояний. Если Британия не остановит поляков, он примет контрмеры. Немного успокоившись, он сказал Гендерсону, что ему «уже пятьдесят лет» и он предпочел бы начать войну сейчас, чем тогда, когда ему будет пятьдесят пять или шестьдесят лет, «На этот раз мировая война проиграна не будет». В качестве официального ответа Чемберлену он заявил, что условием германского рейха является решение проблемы Данцига и польского коридора. Безоговорочные же гарантии Англии Польши Гитлер оценил как «поощрение волны ужасающего терроризма против миллиона с половиной немцев, живущих в Польше».

Полякам дали несколько дополнительных дней мира итальянцы. Утром 25 августа Муссолини получил письмо Гитлера, в котором тот уведомлял, что намерен действовать против Польши «немедленно». Гитлер был уверен в своем союзнике, подписавшем «стальной пакт» лишь три месяца назад. Однако Муссолини на этом этапе не желал выступать. Им владел страх перед войной, к которой Италия готова не была. Вечером этого же дня Гитлер читал ответ своего итальянского союзника: «Италия не в состоянии противостоять нападению, которое французы и англичане направят преимущественно против нас».

Немцы назначили новую дату — 1 сентября 1939 года. Мир еще не знал, сколько дней отделяет его от войны. Черчилль без

устали работал над «Историей англоговорящих народов». Сейчас ему нужны были примеры мужества. Когда испанская армада устремилась в 1598 г. к британским островам, писал Черчилль, королева Елизавета¹⁰ обратилась к собранной в Тильбери армии: «Пусть боятся тираны, моя главная сила и опора заключается в лояльных сердцах и доброй воли моих подданных; и поэтому я пришла к вам, как вы видите, полной решимости, чтобы среди горнила битвы жить или умереть вместе с вами, лечь за моего бога, за мое королевство, за мой народ, мою честь, мою кровь — пусть они будут даже в пепле». Октябрьским утром 1805 года адмирал Нельсон, видя, что франко-испанский флот у Трафальгара превосходит англичан, спустился в каюту флагмана «Виктория» для молитвы: «Пусть великий бог, которому я молюсь, дарует моей стране на благо Европы великую и славную победу... пусть его благословение падет на мои усилия верно служить моей Родине». Флоты сближались, и над «Викторией» взвился сигнал: «Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг». Так вели себя герои его страны в минуту роковой опасности. Так должны были вести себя англичане в час опасности, нависшей в 1939 году перед началом войны в которой погибнет 357 тысяч британских подданных.

Гитлер попытался в последний раз нащупать слабое место англичан. Он обратился к Лондону с шокирующим предложением «заключить союз с Германией». Одно лишь рассмотрение подобного предложения разрушило бы доверие к Британии во Франции, Польше, Румынии, Турции, Греции и, это становилось все более важным, — в Соединенных Штатах. Лишь сугубая brutality фюрера оттолкнула посла Гендерсона — этого крайнего сторонника умиротворения: когда Гитлер 29 августа потребовал посылки в Берлин польской делегации для ведения переговоров, посол ответил — «это диктат». Посредником попытался выступить и римский папа. Но в Лондоне наконец-то возобладало мнение, что дипломатические шаги Гитлера «полностью лишены смысла».

<...>

